

Древний Рим на рубеже паденья.
Всё тревожней почта из провинций.
Дни проходят в праздности и блуде.
Неуклонно дешевеют деньги.
И с чеканным профилем патриций
спит лицом в давно остывшем блюде.

Император сильно сдал, по слухам.
Стал одышлив, и слабеет зренье.
Ревматизм и опухоль в колене.
Смотрит всё нахальнее прислуга.
Галлы и тракийцы на арене
тоже мрут без воодушевления.

Легионы стянуты к границам.
Но не видно нового Агриппы
там среди командного состава.
Катит боевая колесница
больше по инерции, со скрипом.
Да, скрипят Империи суставы.

Всё вообще теперь идёт со скрипом,
как поэт заметил справедливо,
и за это в мартовские иды
сослан к морю, в глушь, читает рыбам.
Что ж, легко отделался, счастливо.
Прежде мог бы просто выпить яду.

Несомненны признаки упадка.
В переулке, с неподдельным чувством,
беглый раб вещает что-то черни.
И тверда, как прежде, только складка
меж бровей у мраморного бюста.
И, как прежде, мягок свет вечерний.

Ну а в целом всё пока неплохо.
Отодвинем сонную гетеру,
под струю вина подставим чашу.
Выпьем за прекрасную эпоху,
за закат блестящей, в общем, эры,
уходящей, но пока что нашей.

Как северной совы перо,
сегодня вылиняло небо
и вряд ли станет голубей.
На тротуаре у метро,
под ноги накрошивши хлеба,
старушка кормит голубей.

А рядом ты, одет легко,
леча расстроенные нервы,
похмелье, проще говоря,
глотаешь тёплое пиво,
дожив до заморозков первых,
до середины ноября.

Спеша на службу, москвичи
сутулят плечи, ощущая
дыханье близкое зимы.
Взгляни, как чудно горячи
стаканчики плохого чая
у продавщицы шаурмы!

Как осторожно их берут,
и ворот поднимают выше,
и пьют, и продолжают путь.
Лишь ты на ледяном ветру
стоишь столбом, и неподвижен
твой взор и абсолютно пуст.

Ты созерцаешь мир вокруг
и только шуришься при виде
мельканья первых белых ос,
возникших так внезапно, вдрут,
и замечаешь, как Овидий,
на всём следы метаморфоз.

Сейчас вот, выгнувшись назад,
та долговязая девица
поправит шапочку свою,
заглянет искоса в глаза
тебе и превратится в птицу,
порхнёт и двинется на юг.

● ● ●
Quintili Vare, legiones redde.

Время, коварный противник, разбило в пух
стройные так недавно твои порядки.
На лицах солдат растерянность и испуг.
Враг заманил в ловушку, играя в прятки.

Да, чем дальше, тем глуше германский лес.
Конный твой авангард утонул в болоте.
В этих местах тяжело усидеть в седле.
Впрочем, не легче приходится и пехоте.

Съехав с дороги и бросив поводья, ты
вглядываешься сквозь туман в эти злые топи
и успеваешь заметить лишь, как кусты
вдруг прорастают лесом железных копий...

..раненых добивают, ещё слышны,
с каждой минутой тише, проклятья, стоны.
Чувства остались усталости и вины.
«Квинтилиус Вар, верни мои легионы!»

Грубая в слух проникает чужая речь.
Лошадь без всадника краем подлеска скачет.
И, доставая из ножен короткий меч,
бессмысленно думать, могло ли всё быть иначе.

● ● ●
На полпути из Пуатье в Дижон,
поклажею сверх меры перегружен,
сломался дилижанс и, распряжён,
стоит, все планы спутав и нарушив.

Чад волоча и раздражённых жён,
шагают пассажиры через лужи
к гостинице, где ждёт холодный ужин,
дождливый вечер, скука и крышон.

Там, кролика тушёного ножом
поковыряв, сердито смотрят: ну же! —
на автора, но, жалости лишён

и к их судьбе дальнейшей равнодушен,
тот в темноте скрывается снаружи,
их навсегда оставив с багажом
на полпути из Пуатье в Дижон.

Итака

Не следует спор заводить о цене.
С богами особенно. Странствий конец —
для радости повод иль грусти?
Домой возвратившись, к началу начал,
хромая, сойдёшь на знакомый причал
в любимом тобой захолустье.

Мужей среди прочих и ты послужил
когда-то отчизне, которой мужи
достойными были сынами.
Огонь, и вода, и троянская медь
давно за кормой и в прошедшем, а смерть
случается с кем-то, не с нами.

А ты, ты вернулся, герой и мудрец,
хитрец несомненно, и царский дворец
гудит, потревоженный улей.
В ударные все ударяя, трубя
во все духовые, встречает тебя
твой остров, твой *ultima thule*.

И женщина, чем-то похожая на
другую, на ту, на которой женат
ты некогда был, безмятежно
в твои, изучая, взглянется черты
и скажет слегка неуверенно: «Ты...»
Банально? Банально, конечно.

Внесут, чтоб умыться с дороги, сосуд.
И нужные жертвы богам принесут.
И стол приготовят, и ложе.
Смешаются в чаше вино и вода.
А то, что вернуться нельзя никуда,
поймёшь ты не сразу, чуть позже.